

«Что за сбивающий с толку феномен — шаманизм? Явно религиозный, но не имеющий ни догмы, ни духовенства, ни литургии, у каждого шамана иной. Явление это архаичное, но постоянно возрождающееся, подверженное различным влияниям и приспособляющееся к ним. Мэтр искусства обольщения и уговоров, шаман открывает человеку путь для реализации своего жизненного шанса. Это постоянно действующее, но скрытое от глаз прибежище, к которому обращаются всякий раз во время кризисных ситуаций, ибо вместо того, чтобы побудить покориться трансцендентным инстанциям, шаман предложит вести бесконечные переговоры с потусторонним партнером...». Такими словами начинает свою книгу «Охота за душой» Роберта Амайон — известная исследовательница мировоззрения народов Центральной Азии, Севера, Сибири, основательница Центра монголоведческих исследований (1969 г.), глава лаборатории сравнительной этнологии и социологии при Парижском университете, обладательница многих научных регалий. Книга имеет подзаголовок: «Очерки по теории сибирского шаманизма».

Автор возложил на себя выполнение двойной задачи: во-первых, представить традиционное бурятское общество в свете шаманизма — системы, всесторонне организующей его жизнь и мышление; во-вторых, не ограничиваясь бурятским материалом, раздвинуть культурно-исторические рамки исследования и высказать свои соображения по шаманизму более общего характера. Таким образом, книга рассчитана на восприятие широкими кругами специалистов. Данная рецензия является откликом на те общие соображения и подходы к шаманизму, которые, с моей точки зрения, очень перспективны и заслуживают того, чтобы познакомиться с ними заинтересованных читателей. Поэтому по крайней мере вторая цель автора может считаться достигнутой.

Сразу хочу подчеркнуть, что это не рецензия в общепринятом смысле слова. Цель моих кратких заметок — обратить внимание на выход научного произведения, которое является крупным событием, но в то же время, по некоторым наблюдениям, может пройти незамеченным даже для специалистов-монголоведов. Возможно, причиной этого является необычно большой по нынешним временам объем (в книге 880 страниц!), а также громадный материал, которым автор оперирует. Основу книги составляют данные по этнологии и фольклору бурят и монголов, но широко привлекаются также материалы по этнологии соседних народов Сибири, особенно занимающихся охотой: эвенков, алтайцев, якутов, селькупов, нганасан, чукчей, кетов, тувинцев и др. Не последнюю роль, препятствующую знакомству с этим незаурядным исследованием, играет и элементарный языковой барьер: книга очень просто написана, автору присуще определенное литературное мастерство, использование особых стилистических приемов, как бы ближе всего передающих непростую логику связей в традиционном мировоззрении. Между тем книга Р. Амайон важна не только для монголоведческих и сибирьеведческих штудий, она интересна и тем, кто занимается проблемами религии, шаманизма, культуры в целом, в широком сравнительно-историческом аспекте. Это и побудило меня дать информацию о некоторых узловых моментах книги, сведя к минимуму комментарии к ним.

Издание состоит из четырех частей, 13 глав, каждая из которых делится на параграфы. Имеются также введение, заключение, тематический указатель, глоссарий и подробнейшие примечания к главам, которые вполне могут быть предметом самостоятельного чтения.

Композиция книги строгая: части, главы, параграфы последовательно связаны между собой, как бы перетекают друг в друга, иногда настолько, что конец одной главы или параграфа является завершением одной темы и одновременно началом другой, имея при этом соответствующее словесное оформление — название начинается в одном параграфе, а заканчивается в другом. Спаянность различных частей исследования не только поддерживает неослабевающий интерес к этому далеко не легкому чтению, но создает также эффект сопричастности к творческой лаборатории автора, заставляет напряженно следить за развитием авторской логики, за раскрытием механизма взаимодействия триады «природа — общество — мир сверхъестественного», чему в широком смысле слова посвящена эта книга. Не совсем обычный язык повествования, нередко приближающийся к поэтике объекта, о котором идет речь, замечен и в названиях параграфов или глав, в стиле эпических сюжетов, если говорится об эпосе («Приглашение в лес», «Мир дуэли, мир мести» и т. п.), или символических названий (например, «Любовный круговорот между миром человека и миром сверхъестественного»). Особенно это относится к шаманизму, так как одним из важных исходных пунктов в подходе к шаманизму является взгляд на него как на особый образ организованную символическую систему. Особенности авторского стиля в целом как бы усиливают впечатление от символической природы исследуемых объектов, а читатель порой воспринимает объекты, подвергнувшиеся исследованию, и их интерпретацию автором в единой стилистической тональности. Естественно, что в кратком сообщении, представляющем лишь своего рода экстракт ярко и сочно написанной книги, содержание ее будет несколько обеднено.

Во введении «Проблемы шаманизма» Р. Амайон дает обзор сложившихся к настоящему времени направлений в изучении этого явления. С ее точки зрения, взгляды на шаманизм как на явление, относящееся к области психопатологии, терапевтическому культу, технике экстаза и общения со сверхъестественным и др., — это уже прошлое. Как бы ни определять шаманизм, как бы ни сводить его к виду архаичной религии, способной к постоянному возрождению и адаптации, или к способу медитации, шаман, по мнению автора, неизменно выполняет ожидаемые от него функции, всегда сохраняя при этом свою индивидуальность. Р. Амайон считает необходимым показать — и это одна из важных задач ее книги, — что в основе шаманской деятельности лежит специфическая концепция отношений между человеком, окружающим миром и обществом, что шаманизм — это особым образом

организованная система мышления, какие бы парадоксальные формы она ни принимала. «Узел парадокса» — даже так назвала исследовательница одну из глав. Наиболее приемлемой позицией ей представляется выявление структурных связей шаманизма с системой брачных и родственных отношений в обществе и их символическое истолкование. Отмечу, однако, что в действительности Р. Амайон не отвергает целиком сложившиеся подходы к шаманизму, наоборот, каждый их них находит свое место в предложенной ею концепции и получает соответствующее объяснение с точки зрения этой концепции. Но об этом несколько позже.

Уже в самом начале книги Р. Амайон высказывает свой взгляд на шаманизм как на символическую систему, родившуюся в недрах общества охотников, действующую в рамках обмена в широком его понимании, оказывающую свое эффективное воздействие на личность и сохраняющую свою специфику, отличную от иных символических систем. Это лишь предварительный взгляд на шаманизм, который будет развиваться на протяжении всего исследования, наполняться конкретными фактами из жизни народов Сибири и Монголии, а в заключении выльется в развернутое определение, суть которого тем не менее останется той же: «Шаманизм — это символическая система, основанная на дуалистическом миропонимании. Основа этой системы в том, что человечество управляет природными явлениями, от которых зависит его жизнь, поддерживая брачные связи и отношения обмена между обществом и существами из мира сверхъестественного. Шаман ответствен за систему брака в обмене со сверхъестественным миром, выступая как партнер и проявляя со своей стороны искусство, отмеченное его индивидуальностью. Функция регулятора обеспечивает ему центральное место в обществе и придает всеобщий характер его деятельности. Общества такого типа называются шаманистскими» (с. 738, 739).

Первая часть книги носит название «Общество». Она состоит из двух глав — «Источники» и «Земля, ее история, люди». Одна из основных идей книги — дуализм миров и дуальная организация общества. Что касается собственно земли, на которой обитают буряты, то сам ее ландшафт как бы предопределяет появление представления о двух мирах, так как он состоит из тайги и степи. Степной пейзаж чередуется с гористой местностью, что в целом воплощает единство и противоположность вертикального и горизонтального миров. Такие же единство и противоположность по горизонтали и вертикали будут продемонстрированы в третьей и четвертой частях книги, посвященных брачным и родственным связям. Историческое разделение бурят на степных и таежных, их разные исторические судьбы (влияние христианства и русификация — у таежных, преобладающее влияние ламанизма у степных бурят) навело автора на мысль, что шаманизм, какое бы маргинальное положение он ни занимал в настоящее время, является чуть ли не единственным показателем этнической тождественности бурят. Напомню, что бурятское общество составляет главный интерес автора, и ее книга построена прежде всего на материалах, касающихся бурят. В самом же бурятском этносе исследовательнице более всего занимает племя эхирит-булагатов, сочетающих охотничий и скотоводческий типы хозяйства.

В книге представлены архивные данные, научная литература, полевые материалы автора — участника многих этнографических экспедиций в Бурятии и Монголии. В небольшом источниковедческом очерке выделены произведения бурятских просветителей, благодаря усилиям которых во многом стали известны эпические сказания бурят. Р. Амайон подчеркивает, что именно обращение к эпическому творчеству бурят сыграло решающую роль в становлении нового подхода к шаманизму, так как помогло установить внутренние связи между, казалось бы, разрозненными фактами и увидеть в отношениях между охотничьим типом хозяйства, брачными нормами и шаманизмом нечто большее, чем просто структурное сходство. Внимание автора направлено на выявление глубинных законов, по которым строятся и действуют эти отношения. Без большого преувеличения можно сказать, что тема «эпическое творчество и шаманизм» занимает основное место в книге «Охота за душой»: ей, в сущности, посвящены три большие части — «Эпические модели», «Логика брачного союза», «Логика родственных связей».

Во второй части книги — «Эпические модели» тщательно исследуются сюжеты Гесера и других эпических сказаний, прежде всего у бурятских племен эхиритов и булатов, сохранивших, по мнению исследовательницы, как наиболее архаичный тип эпоса, восходящий к охотничьему обществу, так и эпические произведения более позднего происхождения, явно связанные со скотоводческим и пастушеским способами ведения хозяйства. Основными сюжетами того и другого эпоса являются истории брачных союзов, но в первом, называемом по критерию родства «сестринским», характерным сюжетом является добывание мужа (зятя), во втором — называемом согласно тому же критерию «отцовским», главное место занимает сюжет отцовского отпущения. При этом сюжет поисков мужа (зятя) сохраняется. Одна из функций эпоса в обществе состоит в том, чтобы демонстрировать идеальную модель поведения, являющуюся гарантом сохранения мирового порядка. Исследуя эпические модели, Р. Амайон приходит к выводу, что тип отнесенный, предпочтительный в обществе, проецируется и на отношении человека и природы, а также человека и сверхъестественного мира. В герое охотничьего эпического сказания, воплощающем разные, порой прямо противоположные черты, уместно видеть охотника и зятя, а в духах, способствующих удачной охоте, — тестя (родственников жены), в охотничьей добыче — невесту и т. д. Если эти аналогии распространить на шамана, то в его образе можно увидеть и охотника, и зятя в мире сверхъестественного. Согласно эпической логике, хотя в эпосе прямо об этом и не говорится, шаман должен «жениться» для того, чтобы иметь возможность приступить к своей деятельности, понимаемой как своего рода охота. В мире сверхъестественного он является воплощением зятя и охотника за душой — символом охотничьей добычи. Серия аналогий и параллелей между эпическим героем и охотником, для которого предназначено исполнение эпоса, между матримониальными мотивами — стержневыми в этом — и подготовкой к охоте позволяют рассматривать отношения охотника к природе в терминах матримониального союза. Иными словами, автор предлагает некую унифицированную концепцию, иногда называя ее гипотезой, согласно которой социальные, экономические и религиозные отношения в обих мирах освещаются с точки зрения брачных связей. Так, исследуя эпическое творчество под

определенным углом зрения, Р. Амайон заключает этим выводом вторую часть книги и переходит к конкретному анализу брачных и родственных связей, которым соответственно посвящены третья и четвертая части — «Логика брака» и «Логика родства».

По тем же законам, по которым заключаются браки в обществе, совершается и символический брак шамана с духом женского пола. При этом всегда надо иметь в виду, что шаман — символ охотника, а дух — символ охотничьей добычи. В мире сверхъестественного складывается та же сеть отношений, что и в реальном мире, те и другие как бы усиливают, укрепляют и помогают лучше понять друг друга или, по выражению автора, увеличивается их ценность более чем в одной области и более чем в одном регистре. Уместно напомнить здесь, что исследовательница не отказывается от многих укоренившихся представлений о шамане, которые и до сих пор вызывают дискуссии. Она подробно не обсуждает спорные вопросы, а показывает, что в предлагаемой ею концепции они могут занять свое место и получить соответствующее толкование. Нет необходимости, например, вдаваться в особенности психической организации или физических недостатков шамана, которыми пытались объяснить его поведение во время камлания. Надо иметь в виду, что шаман приспосабливается к своей супруге, имеющей животный облик, но по своей сущности являющейся духом. Тогда понятнее становятся и его повадки животного, и его костюм и головной убор, и все особенности его ритуального поведения, которое достигает своей кульминации в так называемых безумных выкриках, в нарочитой демонстрации некой дикости. С точки зрения любовных отношений с существом из сверхъестественного мира, выступающим в образе животного, следует объяснять некоторые черты его ритуального поведения, обычно воспринимаемые как эротические или истерические.

Традиции эпических сказаний общества охотничьего типа сохраняются и в эпических произведениях общества скотоводов, но к ним добавляются традиции, рожденные новыми отношениями, конкретно-родственными связями или связями по филиации. О них идет речь в последней, четвертой части книги, где подробно показывается, каким образом к существующим брачным связям по горизонтали присоединяются и приобретают большее значение родственные связи по вертикали, т. е. связи с предками, основателями рода, поддерживающими ныне живущих, придающими их жизненную силу. И если, согласно матримонильной логике, организуется система отношений с миром иных существ в пространстве, то, согласно логике филиальных связей, организуется система связей с себе подобными по вертикали.

Символы, аналогии, метафоры — ими насыщена вся книга, по ним строятся отношения в мире реальном и мире сверхъестественном. Существа из мира природы, общества и мира сверхъестественного уподобляются друг другу, ассоциируются, замещают друг друга. В постоянном обмане, циркуляции между реальным и метафорическим функционирует и система шаманизма. В свете этого само название книги Р. Амайон — «Охота за душой» следует воспринимать как развернутую метафору со множеством значений, подразумевающих реальную охоту и удачный брачный союз, реальную невесту и охотничью добычу, символический брак шамана и нематериальную субстанцию сверхъестественного мира — душу и «жену», добыв которую, шаман может исполнять свои функции. «Охота за душой», таким образом, символизирует в целом шаманское действие, шаманизм — глобальную систему, пронизывающую всю жизнь традиционного бурятского общества, так же как и других народов Сибири, Монголии.

Таковы в сжатом, конспективном и, по необходимости, упрощенном виде основные идеи книги Р. Амайон «Охота за душой». Специалисты по этнологии и эпическому творчеству монгольских и сибирских народов найдут в ней обширный конкретный материал с оригинальной интерпретацией многих известных фактов, в том числе почерпнутых из трудов отечественных ученых. Эта книга, по моему мнению, интересна прежде всего новым освещением в большинстве своем известного материала. В ней, конечно, немало и новых фактов, в частности полевых данных, но он растворяется в общей массе громадного по масштабу и разнообразию материала, которым автор оперирует. Способность методично и целенаправленно организовать множество фактов таким образом, чтобы они, не теряя своей оригинальности, убедительно подтверждали предложенную концепцию, мне кажется особенно ценной в книге. Сейчас стало почти общим местом говорить о системном подходе к изучению явлений, в том числе и в изучении шаманизма, но мало кому удается показать его в действии. Автору книги «Охота за душой» это удалось. Тем самым определен новый уровень шаманистических исследований. Существуют, с моей точки зрения, ряд исследований по духовному творчеству, в том числе и по шаманизму, которые по глубине вживания в материал и силе обобщения остаются высочайшими образцами взлета научной мысли, неподвластными времени. Таковыми для меня являются, например, книги С. М. Широкогорова, В. Г. Богораза, В. Я. Проппа. В этот же ряд я бы поставила и поистине фундаментальное исследование А. Амайон «Охота за душой».

Е. В. Ревуненкова

© 1994 г., ЭО, № 1

J. R. Parsons, M. H. Parsons. Maguey Utilization in Highland Central Mexico. Ann Arbor (Mich.), 1990. 388 p.

Рецензируемая работа «Использование агавы на Центральном Мексиканском нагорье» вышла в столь примечательной серии, как «Археологическая этнография», а ее содержание имеет прямое отношение к истории земледелия в Центральной Мексике. Для всякого, кто хоть немного знаком с традиционными культурами данного региона, известно, какую огромную роль в судьбе земледельческих цивилизаций здесь играла кукуруза (маис), этот «хлеб» древней Америки. В качестве важнейшей